


**Ю. А. Клейнер**   
Санкт-Петербургский государственный университет  
(Россия, Санкт-Петербург)  
yurikleiner@hotmail.com y.kleyner@spbu.ru

## СЕГМЕНТЫ И ГРАНИЦЫ\*

*Памяти Мирры Вениаминовны Гординой (1925–2018)*

Двум видам членения — на морфемы и на слоги, — соответствуют границы между минимальными знаковыми единицами и границы внутри экспонентов морфем (первое и второе членение соответственно). Соотношение (= несовпадение / совпадение) двух типов границ (правило Гординой) выявляет минимальные единицы плана выражения в данном языке, соответствующие трем типологически различным состояниям:

(1) **Фонемные языки.** Границы морфологического членения выявляются благодаря наличию в парадигме форм с нулевой флексией; а фонемные — вследствие несовпадения слоговых и морфемных границ, выявляющегося при ресиллабации: *ток-Ø — ток-а — /to-ka/*.

(2) **Изолирующие языки.** Границы морфем совпадают с границами минимальных единиц плана выражения, парадигматических единиц, не противопоставленных по признаку «согласный–гласный» и не образующих конструктивных единиц, /C/ + /V/, т. е. *фонологических* слогов. Название «слоговые» применительно к этим языкам некорректно, поскольку отражает только фонетическое строение ([CV]) инвентарных единиц.

(3) **Промежуточный тип.** Возможность ресиллабации в части словаря (англ. *read — read-ing — rea-ding* => фонемы /i:/, /d/), наряду с отсутствием ресиллабации в *sitting* и морфологически нечленимом *pity*, а также наличием пар типа *sit–sat* (некорректно, «формы с внутренней флексией»), являющихся по сути супплетивами.

Совместное использование двух типов границ исходит из принципа двойного членения и связи единиц плана выражения также с планом содержания.

*Ключевые слова:* сегментация, двойное членение, границы, морфема, экспонент, единицы, слог, слоговоеделение, правило Гординой

---

\* При поддержке гранта Российского государственного научного фонда 16-18-02042.

Проблема границ, изначально присутствующая в самой идее лингвистического анализа, в последние десятилетия практически не рассматривается. Причину этого очень точно сформулировал В. Б. Касевич: «[В] 40-е–70-е годы (XX в. — Ю. К.) в фонологии активно обсуждалась проблема моно- / бифонематичности ‘сложных звуков’ (дифтонгов, аффрикат). В последнее годы, она, похоже, утратила свою привлекательность для фонологов. Но свидетельствует ли это о том, что в учебники вошло некоторое классическое решение проблемы? Нет, — просто в центре внимания (который определяется самыми различными вещами, в том числе и просто модой) оказались совсем другие проблемы» [Касевич 2006: 7]. Из этого не следует, что само понятие / термин «граница» между сегментами больше не используется. Так, символ *X* в генеративистской записи обозначает «любую последовательность гласных и согласных — от нуля и более, — а также границ, но не границ слова, если это не оговаривается особо» [Halle & Kayser 1971: 5]. Границы *в пределах слова* — это в том числе фонемные границы, причем и фонемы, и границы между фонемами рассматриваются как некоторая данность. Показательно, что заглавие «Сегментная фонология» в учебных пособиях не предполагает, что речь пойдет не просто о «сегментах», но о процедурах их выделения из звукового континуума<sup>1</sup>. Этап сегментации пропускают генеративистские правила типа «понижение /i/ => /æ/» в англ. *sit* : *sat*; он не учитывается при приписывании фонемного статуса произвольно выбранным «единицам», например «безударной “фонеме”» /i/ в *boy*, *day* [Якобсон и др. 1962: 179]. По сути, такой подход означает возвращение к дофонологическому состоянию науки, когда границы между «звуками» устанавливались исходя исключительно из интуиции исследователя. Фонология же — будь то отдельная наука (Н. С. Трубецкой) или раздел фонетики (школа Л. В. Щербы) — начинается с выделения *единиц*, которые существуют в границах, отделяющих их от соседних единиц того же уровня.

Суть проблемы отражена в названии статьи А. Мартине — «Одна фонема или две?» [Martinet 1939]. В опубликованной в том же году книге Н. С. Трубецкого этой проблеме посвящены семь правил определения «одно- и многофонемности». Согласно первому правилу, «реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам» [Трубецкой 1960: 63]. Комментируя это правило, В. Б. Касевич [Касевич 2006: 35] пишет: «Если <...> предположить, что в правиле I понятие слога может трактоваться с фонологических позиций, то слог в этой ситуации уместно понимать как определенную модель организации фонем, где границы между слогами — это, естественно, границы между фонемами. Но тогда для использования слогоделения в фонемной сегментации необходимо обладать исчерпывающим определением слога с точки зрения его фонемной организации. Вряд ли такая информация доступна в начале фонологического анализа».

Информация, доступная к началу фонологического анализа, касается прежде всего морфологической структуры слова и, значит, границ между морфемами.

<sup>1</sup> Например, в книге Дж. Т. Дженсена «Английская фонология» [Jensen 1993: 25–45].

Последние используются в качестве инструмента членения школой Л. В. Щербы, позиция которой в наиболее явной форме представлена следующим высказыванием Л. Р. Зиндера: «...звук, стоящие на стыке двух морфем и, следовательно, принадлежащие двум разным языковым единицам, не могут представлять одну языковую единицу, одну фонему. В слове *расточка*, например, согласный, завершающий приставку, и согласный, начинающий корень, должны относиться к разным фонемам, *ст* не может быть неделимой фонемной единицей» [Зиндер 1979: 37].

Этот принцип распространяется затем на чередования типа нем. /bindən/ *binden* ~ /bandən/ *banden* (инф. и прош. вр.), где морфологической функцией наделяются гласные (в данном случае [i] и [a]), которые в этом случае рассматриваются как экспоненты соответствующих морфем и, таким образом, как реализации самостоятельных фонем [Зиндер 1979: 38]. Пример того же — англ. [sɪŋ], где «устанавливается членение [s-i-ŋ] ввиду того, что существуют морфологизованные чередования [sɪŋ] — [sæŋ] — [sʌŋ]» [Касевич 2006: 29]. В связи с этим задается резонный вопрос: «...почему считается, что формы слова <...> изменяются именно в силу замены [i] на [æ] или на [ʌ]? Нельзя ли сказать, что здесь имеет место замена [iŋ] на [æŋ] или на [sʌŋ]?» [Касевич 2006: 29]. Можно пойти еще дальше и задать тот же вопрос в связи с англ. *bind* /baɪnd/ — *bound* /baʊnd/, где в результате аналогичной процедуры в качестве самостоятельных фонем выделятся [-i] и [-ʊ], т. е. глайды несомненно монофонемных дифтонгов. Очевидная абсурдность такого решения не ставит под сомнение сам принцип, согласно которому морфемная граница не может проходить внутри монофонемного сегмента. Вопрос лишь в том, можно ли перенести этот принцип на морфологические чередования, используя их в качестве основания фонологической сегментации.

Само понятие «сегмент» включает в себе идею протяженности, а значит, и границ, отделяющих его от аналогичных сегментов справа и слева. Как неоднократно отмечалось, речь в данном случае идет не о границах в физическом смысле [Касевич 2006: 28; Anderson 1992: 232]. Тем не менее такие границы реальны и демонстрабельны. Это видно на примере парадигм, содержащих формы с нулевой флексией: *стол* (им., вин. пад.). Наличие границы может в принципе входить в описание таких форм (*корень*- + *морфологическая граница* + ∅) и распространяться далее на парадигму в целом: *стол-а*, *стол-у*, и т. д. (то же при описании валентностных характеристик морфем: *рас-*, *-точ-*, *-к-*, *-а*).

Однако морфемная граница указывает лишь на то, что разделенные ею экспоненты морфем — ни частично ([s-t]), ни полностью ([ras-točka]) — не составляют монофонемного образования. Само по себе морфологическое членение неспособно выделить сегменты меньшие, чем экспонент морфемы; оно ничего не говорит нам о внутренней структуре экспонентов, т. е. о членимости их на меньшие по протяженности единицы плана выражения. В свое время на это обстоятельство обратил внимание А. С. Либман: «Мы отделили *-а* от корня в формах *сада* и *дома*, но мы еще не знаем, что конечное *-а* первого слова — та же фонема, что *-а* второго... Мы даже не знаем, однофонемно ли это *-а*» [Либман 1971: 61]. То же относится, естественно, и к экспоненту морфемы слева от границы, *сад-*, *дом-*, и к экспоненту

целого слова (= словоформы с нулевой флексией), *стол.* Словоначальный комплекс /st/ в этом слове предлагается разбивать на /s/ + /t/ по аналогии с *-ст-* в *рас-точка* с границей между приставкой и корнем. В качестве обязательного условия такого разбиения указывается, что «звукосочетание внутри морфемы не должно отличаться от звукосочетания, находящегося на стыке морфем» [Зиндер 1979: 37]. Но отождествление таких «звуков» ([s], [t]) в различных словах — скорее иллюзия. Это хорошо видно при сопоставлении конечного суффиксального элемента в [da-j] *дай* с морфемной границей между корнем и суффиксом и начального [j] в [jat] *яд*.

Аналогичная ситуация рассматривалась М.В. Гординой на примере форм *ток — тока* [tok — toka], *ном — нота* [rot — nota]: «конечно-слоговой согласный превращается в <...> начально-слоговой (и обратное), оставаясь элементом той же морфемы, т.е. при сохранении той же знаковой функции. Отсюда вытекает и отсутствие их взаимного противопоставления, т.е. необходимость рассматривать их как представителей одной фонологической единицы. Иными словами, отнесение [t-] из [tok] *ток* и [-t] из [rot] *ном* к одной фонеме происходит не просто потому, что начально-слоговой непридыхательный и конечно-слоговой придыхательный согласные находятся в отношении взаимно-дополнительного распределения, а потому, что возможно превращение одного из них в другой в пределах той же морфемы» [Гордина 1966: 177]. Точно так же отождествление [j] и [j] в [da-j] *дай* становится возможным только после ресиллабации: [da-j] => [da-ju] *даю*, когда экспонент суффикса оказывается в начале слога. Крайне важно, что, подобно [k] в *то-к-а* и [t] в *но-т-а*, [j] в [da-ju] *даю* находится между границами слога и морфемы, «взаимная несвязанность» которых и приводит к выделению фонемы «как особой, автономной единицы» [Гордина 1966: 177].

Данный подход представляет собой частный случай двойного членения<sup>2</sup>, что естественно при выделении единицы плана выражения, связанной со смыслом. Это позволяет избежать логической ошибки, возникающей, когда смысловые (лексические или грамматические) различия ассоциируются с лингвистически значимыми «сегментами» — морфемами и фонемами, в частности при анализе форм с «внутренней флексией». Как отмечает по сходному поводу В.Б. Касевич, «в морфологии заметно стремление считать морфемами всё, что можно отнести к минимальным средствам передачи тех или иных значений. <...> Представляется, однако, что сосюровский постулат о линейности знака полностью сохраняет свое значение. Морфема — знак, ее экспонент всегда носит линейный характер; на морфемы исчерпывающим образом, т.е. без остатка и однозначно, должен делиться любой отрезок текста, любая языковая единица» [Касевич 2006: 488–489]. Это, несомненно, справедливо в отношении форм с «внутренней флексией». В отличие от *ток — тока* и т.п., в *sit* и, тем более, *sat*, ни на стыке слов (*sit and*), ни на морфемном шве (*sitting*) не происходит ресиллабации и конечно-слоговой согласный не превращается в начально-слоговой. Такие формы (*buy — bought, sing — sang, ring — rang*)

<sup>2</sup> На знаковые/значимые единицы и членение экспонентов последних на единицы плана выражения — «первое и второе членение» по А. Мартине [1963: 381–382].

принято называть «частично супплетивными», в отличие от англ. *to go* — *went* [Fromkin 2000: 51–52]. Но в случае «частичного совпадения» мы имеем дело лишь со «следами» более раннего состояния, до того как обусловленные чередования гласных и согласных (фонем)<sup>3</sup> сменились чередованием целых словоформ, по сути своей не отличающихся от «полных супплетивов». Статус самостоятельных морфем и фонем совпадающим в этих формах «звукам» придает только пресловутый «метод минимальных пар», объясняющий «неизвестное через неизвестное»<sup>4</sup>. Что же касается членимости экспонентов морфем, единственным ее показателем остается ресиллабация, а единственные реальные границы внутри экспонентов — это границы слогов.

Функциональность слога ставится иногда под сомнение<sup>5</sup>, в частности из-за отсутствия универсальных правил слогоделения или в связи с неоднозначностью последнего, ср.: *корма* [kaɾ-ma] и [ka-ɾma], *почта* [poʃ-ta] и [po-ʃta] и т. п. [Гордина 1966: 178]. Действительно, слогоделение в значительной мере интуитивно, однако само присутствие слога в интуиции носителя языка представляется достаточным основанием для признания его языковой реальности. То, что в русском два интервокальных согласных не препятствуют образованию открытого слога, лишнее свидетельствует о малом числе ограничений на сочетания гласных и согласных (*VC*) и в конечном счете на ресиллабацию. Неудивительно, что язык, характеризующийся богатой морфологией и минимумом ограничений на слогоделение, оказывается образцово фонемным.

Проблема лингвистического статуса слога — общая для всех единиц синтагматического уровня, конструктивных, т. е. по определению вариативных, состоящих из инвентарных единиц<sup>6</sup>, сочетающихся по правилам данного языка, подробнее см. [Клейнер 2010: 37–39]. В этом и состоит смысл слога как «модели организации фонем», в самом элементарном виде представленной сочетанием согласных

<sup>3</sup> Регулярное окончание в форме прошедшего времени глагола *to buy* было бы представлено вариантом со звонким согласным (/d/), как в *bored*.

<sup>4</sup> Самая ранняя и по-прежнему наиболее конструктивная критика этого метода принадлежит Г. В. Воронковой и М. И. Стеблин-Каменскому, ср.: «То, что фонологическое содержание фонем надо выводить из оппозиций, подразумевает, очевидно, что первое неизвестно, а известно только второе. Но откуда могут быть известны оппозиции, если неизвестно фонологическое содержание фонем? Ведь знание оппозиций (т. е. того, как фонемы противопоставлены друг другу) подразумевает знание фонологического содержания фонем (т. е. того, что они представляют собой как члены противопоставлений)» [Воронкова, Стеблин-Каменский 2003: 678].

<sup>5</sup> Ср.: «...Выделение звука речи как автономной, самостоятельной единицы, независимой от фонетического положения, его отделение от соседних элементов речевой цепи — результат лингвистического анализа потока речи; этот анализ связан с проведением как *лингвистических* — *морфологических* — границ, так и *фонетических* — *слоговых*» (курсив мой. — Ю. К.) [Гордина 1966: 179]. Обсуждая первое правило моно- и бифонемности Н. С. Трубецкого, Л. Р. Зиндер указывает, что «для решения этого вопроса должны быть в первую очередь привлечены чисто фонематические данные» [Зиндер 1979: 213]. Очевидно, что в обеих цитатах слог и слоговые границы не рассматриваются как «лингвистические» понятия, соответственно «фонематические данные».

<sup>6</sup> *Конструктивные и инвентарные единицы* — термины В. Б. Касевича [Касевич 2006: 99].

го с гласным<sup>7</sup>, где проявляются их валентностные характеристики (фонология) и осуществляется коартикуляция (фонетика). Как любые конструктивные и инвентарные единицы, слоги и фонемы предполагают друг друга. Иначе говоря, согласные и гласные *фонемы* обязательно соединяются в слоги, а язык, в котором есть слоги, — обязательно *фонемный*.

Само собой разумеется, что конструктивной единицей может быть только *фонологический* слог (= сочетание фонем). Однако «слогом» принято называть также последовательность звуков, консонантных и вокалических, в изолирующих языках, иначе называемых «слоговыми». Поскольку такая последовательность не связана ни с первым, ни со вторым членением и, значит, не предполагает внутри себя никаких границ, составляющие ее «звуки», не противопоставляющиеся в данной фонологической системе как согласные и гласные, не могут считаться фонемами. Более того, никто не отрицает, что данная последовательность представляет собой парадигматическую единицу<sup>8</sup>, назвать которую «фонемой» мешает лишь то, что этот термин зарезервирован за гласными и согласными языков с ресиллабацией. Если такая последовательность и может называться «слогом», то только фонетическим<sup>9</sup>, в чем, строго говоря, нет необходимости. Точно так же использование (применительно к изолирующим языкам) термина «слоговые» по крайней мере некорректно, равно как и формулировка «совпадение морфемных и *слоговых* границ», вместо «границ минимальной единицы плана выражения».

Принцип совпадения / несовпадения границ первого и второго членения (правило Гординой) является универсальным критерием, одновременно фонологическим и морфологическим, определения типа языка: изолирующий и фонемный. К фонемному типу принято относить и английский, ср.: «...английский допустит те же процедуры, что и русский, хотя <...> в нем почти нет однофонемных окончаний. Но те, которые есть (/t d/, /s z/ и /ə/) <...> и многочисленные случаи типа *read-er*, при слогоделении *rea-der*) свидетельствует о том, что английский — фонемный язык» [Либерман 1971: 61]. «Случаи типа *reader*» (с долгим слогиносителем) — это формы, допускающие ресиллабацию, когда конечный согласный корня оказывается между границами слога и морфемы: *rea-/d/-ing*, *da-/t/-ing* и т. п. На этом сходство с фонемными языками заканчивается. Межсловная ресиллабация ограничивается здесь «связующим /r/» (/niə-rənd/ *near and*) и единичными примерами

<sup>7</sup> Понимание слога как сочетания «безгласного с гласным» и de facto конструктивной единицы восходит к Аристотелю. Это определение, плохо понятое позднейшими критиками, к сожалению, рассматривается только как факт истории науки; об этом см. [Kleiner 2017].

<sup>8</sup> Ср.: «Противопоставление по слогоделению несет в этих языках ту же фонологическую нагрузку, что и противопоставление отдельных звуков в неслоговых языках: оно расположено на том же фонологическом уровне» [Гордина 1966: 180]. Здесь же рассматривается вопрос о структуре таких единиц, в частности о возможности выделения в них «инициалей», очевидно отличных от фонем в языках с ресиллабацией.

<sup>9</sup> Чрезвычайно удачными представляются термины «контоид» и «вокоид», используемые К. Л. Пайком [Pike 1947: 60] наряду с согласными и гласными фонемами при описании фонетических и фонологических слогов соответственно.

типа *one's own* ~ *one zone* [Bolinger 1975: 58]. Несколько ослабив критерии, можно предположить тождество всех конечных согласных экспонентов морфем с соответствующими начальными согласными: [z] в *goes* (при *go-Ø*) и *zone*, [t] в *worked* (при *work-Ø*) и [t<sup>h</sup>] в *task* и даже согласных в начале и в исходе слова после несеченного гласного (*deed* /di:d/), по аналогии с начально- и конечно-слоговыми согласными на границах морфем, допускающих ресиллабацию (/ri:d/ — /ri:-də/). Однако отождествление двух [d] в *did*, скорее всего, будет натяжкой. Еще меньше оснований отождествлять интервокальные согласные в последовательности [VCV], не допускающей ресиллабации ни на стыке морфем (*liv-ing*), ни тем более внутри морфологически нечленяемых слов (*pity*, *body*)<sup>10</sup> с «акустически или артикуляторно близкими» согласными в иных позициях.

К двум полярным, с точки зрения правила Гординой, состояниям добавляется, таким образом, фонологическая система, которая наряду с *фонемами*, выделяемыми при несовпадении морфемных и слоговых границ, включает неделимые комплексы (а) /VC/, слева от морфемной границы, *sit-Ø*, *sitt-ing* (соотв. *sat*) и (б) [VCV], без слоговых и морфемных границ<sup>11</sup>, т. е. последовательность, двусложную лишь фонетически, где [C] — не более чем «амбисиллабический контоид».

Взаимозависимость сегментации и типа языка помогает понять истинный смысл правил, связывающих сегментацию с требованиями системы, в частности Правила V «Определения одно- и многофонемности» Н. С. Трубецкого: «Группу звуков <...> следует считать простой фонемой, если это вытекает из всей системы данного языка» (курсив мой. — Ю. К.) [Трубецкой 1960: 67]. Судя по примерам, может создаться впечатление, что система в том виде, в каком она здесь представлена, учитывает только парадигматические отношения. В этой связи чрезвычайно важно уточнение, предлагаемое М. В. Гординой: «...отдельные элементы речевой цепи, находящиеся в разных ее местах (в разном окружении), лишь в том случае подлежат проверке на взаимное отождествление, если доказано, что эти элементы можно выделить как некие самостоятельные единицы <...> Иными словами, парадигматическому анализу должно предшествовать *синтагматическое, линейное членение*» (курсив мой — Ю. К.) [Гордина 1966: 176]. Синтагматический аспект учтен в формулировке Л. Р. Зиндера: «Чисто лингвистическая обусловленность членения потока речи говорит о том, что оно определяется системой каждого отдельного языка. Это и делает необходимым введение понятия фонемы как наименьшей линейно неделимой единицы языка» [Зиндер 1979: 38].

Может создаться впечатление, что фонема в классическом ее понимании присуща всем без исключения языкам. Не случайно поэтому А. С. Либерман [Либерман 1971: 61] специально оговаривает, что «при первом шаге фонологического анализа

<sup>10</sup> Единственным доводом в пользу «многосоставности» слов типа *body* и *pity* остается графика, но она складывалась в период, когда английский был еще чисто фонемным языком.

<sup>11</sup> Ср.: «Если <...> мы используем критерий членения, основанный на сопоставлении слоговых и морфологических границ, то увидим, что веллярный носовой ни в одной форме не отделяется от предшествующего гласного ни слоговой, ни морфологической границей» [Кузьменко 1991: 81]. Представляется, что те же доводы применимы и к последовательности [VCV].

необходимо убедиться, действительно ли в изучаемом языке есть фонемы. Без этого обстоятельства никакая дальнейшая работа невозможна». Знание того, что данный язык — фонемный, в каком-то смысле оправдывает и «остаточную выделенность», и перенос морфемных границ на морфологически неделимые сегменты: [ʃan] = [ʃ-an], ср. /sv'eč-a/ + [ʃa-n], ср. /zva-n/; отсюда: /č-a-n/ [Касевич 2006: 28], и даже «минимальные пары». Но перенесение результатов и вместе с ними процедур анализа на языки, иначе организованные (изолирующие, языки с ограниченной ресиллабацией), заведомо ошибочно, поскольку единицы плана выражения и, что особенно важно, правила их выделения (сегментации) представляют собой специфику каждой конкретной фонологической системы.

### Литература

- Воронкова Г. В., Стеблин-Каменский М. И.* Фонема — пучок РП? // М. И. Стеблин-Каменский. Труды по филологии. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. С. 675–688 (первая публикация: 1970).
- Гордина М. В.* О различных функциональных звуковых единицах языка // Исследования по фонологии. М., Наука, 1966. С. 172–184.
- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., Высшая школа, 1979. 312 с.
- Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология // Касевич 2006. С. 371–616 (первая публикация: М., Наука, 1988).
- Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Касевич 2006. С. 9–239 (первая публикация: М., Наука, 1983).
- Касевич В. Б.* Труды по языкознанию. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2006. 663 с.
- Клейнер Ю. А.* Очерки по общей и германской просодике. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2010. 240 с.
- Кузьменко Ю. К.* Фонологическая эволюция германских языков. Л., Наука, 1991. 284 с.
- Либерман А. С.* Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 60–72.
- Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., Изд-во иностранной лит-ры, 1963. С. 347–566.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 372 с.
- Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М.* Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. II. М., Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 173–230.
- Anderson S. P.* A-Morphous Morphology. Cambridge, University Press, 1992. 434 p.
- Bolinger D.* Aspects of language. 2<sup>nd</sup> ed. New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 368 p.
- Fromkin V. (ed.).* Linguistics: An Introduction to Linguistic Theory. Malden, MA, Blackwell Publishing, 2000. 749 p.



Halle M., Kayser S.J. English Stress, Its Growth, and Its Role in Verse. New York, Harper & Row Publishers — London, Evanston, 1971. 206 p.

Jensen J.T. English Phonology. Amsterdam–Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1993. 251 p.

Kleiner Yu. “The Syllable according to Aristotle” // *Histoire Épistémologie Langage*. 2017. Vol. 39. No. 1. P. 137–153.

Martinet A. Un ou deux phonemes? // *Acta Linguistica*. 1939. Vol. I. Fasc. 1. P. 94–103.

Pike K.L. Phonemics: a Technique for Reducing Language to Writing. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1947. 254 p.

**Yury A. Kleiner**

*St. Petersburg State University*

*(Russia, St. Petersburg)*

*yurikleiner@hotmail.com, y.kleyner@spbu.ru*

## SEGMENTS AND BOUNDARIES

*To the Memory of Mirra Veniaminovna Gordina (1925–2018)*

Two types of boundaries, between morphemes and within their exponents, corresponding to two kinds of segmentation, in combination, reveal typologically different units of the plane of expression (Gordina’s Rule) and, hence, types of languages, viz.

(1) Phonemic Languages. Vowel and consonant phonemes revealed as a result of the non-coincidence of morpheme- and syllable boundaries, yielded due to the presence of zero-inflexion forms in the paradigm and resyllabation respectively, cf. /to-ka/ — morphologically, *tok-Ø* — *tok-a*. ‘current (nom. and gen.)’.

(2) Isolating Languages (erroneously, *syllabic*). The boundaries of the morpheme exponent coinciding with those of the minimal unit of the plane of expression, alias paradigmatic inventory unit, not opposed as ‘consonant’ and ‘vowel’ phonemes to form /C/ + /V/ combinations, or phonemic syllables (‘constructional units’).

(3) Intermediate Type (erroneously, *phonemic languages*). Partly admitted type (1) resyllabation yielding phonemes (e.g. Engl. /i:/ and /d/ in *read* — *read-ing* — *rea-ding*) vs. forms with no resyllabation (*living*) and no morpheme boundaries (*pity*), plus suppletion forms of the *sit-sat* type (erroneously, ‘inner inflexion forms’).

The use, jointly, of the two kinds of boundaries relies on the principle of the dual segmentation, which implies, in turn, the connection of the units of the plane of expression with meaning.

*Key words*: duality of patterning, segmentation, morpheme, exponent, units, syllable, syllabification, Gordina’s rule

## References

- Anderson S. P. *A-Morphous Morphology*. Cambridge: University Press, 1992. 434 p.
- Bolinger D. *Aspects of language*. 2<sup>nd</sup> ed. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 368 p.
- Fromkin V. (ed.). *Linguistics: An Introduction to Linguistic Theory*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2000. 749 p.
- Gordina M. V. [On different functional sound units of language]. *Issledovaniya po fonologii*. Moscow, Nauka Publ., 1966. P. 172–184. (In Russ.)
- Halle M., Kayser S. J. *English Stress, Its Growth, and Its Role in Verse*. New York: Harper & Row Publishers — London: Evanston, 1971. 206 p.
- Jakobson R., Fant G. M., Halle M. [Preliminaries to Speech Analysis. The distinctive features and their correlates]. In: *New publications on linguistics*. Issue III. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1962. P. 173–230. (In Russ.)
- Jensen J. T. *English Phonology*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. 251 p.
- Kasevich V. B. [Phonological problems of general and oriental linguistics]. In: Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. P. 9–239 (first published: Moscow, Nauka Publ., 1983). (In Russ.)
- Kasevich V. B. [Semantics. Syntax. Morphology]. In: Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. P. 371–616 (first published: Moscow, Nauka Publ., 1988). (In Russ.)
- Kasevich V. B. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. 663 p.
- Kleiner Yu. A. *Ocherki po obshchei i germanskoj prosodike* [Essays on general and Germanic prosody]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2010. 240 p.
- Kleiner Yu. The Syllable according to Aristotle. *Histoire Épistémologie Langage*. 2017. Vol. 39. No. 1. P. 137–153.
- Kuz'menko Yu. K. *Fonologicheskaya evolyutsiya germanskikh yazykov* [Phonological evolution of the Germanic languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 284 p.
- Liberman A. S. [The order of rules in phonology and the reality of distinctive features]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1971. No. 3. P. 60–72. (In Russ.)
- Martinet A. Un ou deux phonèmes? *Acta Linguistica*. 1939. Vol. I. Fasc. 1. P. 94–103.
- Martinet A. [Elements of general linguistics]. *Novoe v lingvistike*. Issue III. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1963. P. 347–566. (In Russ.)
- Pike K. L. *Phonemics: a Technique for Reducing Language to Writing*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1947. 254 p.
- Trubetzkoy N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1960 (First published: Prague, 1939). 372 p.
- Voronkova G. V., Steblin-Kamenskij M. I. [Phoneme — a bundle of DF?]. Steblin-Kamenskij M. I. *Trudy po filologii* [Works on philology]. St. Petersburg: Filologičeskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. P. 675–688 (first published: 1970) (first published: Leningrad, Leningrad State University Publ., 1960). (In Russ.)
- Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979 (first published: Leningrad, Leningrad State University Publ., 1960). 312 p.